

УДК 327.56

DOI: 10.31857/S268667300017220-2

Подходы России и США к разрешению конфликта в Йемене: сравнительный анализ

А.С. Евсеенко

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3409-5901> e-mail: a.evseyenko@iskran.ru

Резюме. Война в Йемене стала уникальным примером американской вовлечённости в ближневосточный военный конфликт. Инициатива здесь полностью отдана союзнику США – Саудовской Аравии, ключевой военной силой также является их региональный партнёр, Объединённые Арабские Эмираты. Однако это не помогло эффективно разрешить конфликт. Соединённые Штаты понесли материальные и репутационные издержки. Непоследовательная позиция США затрудняет разрешение конфликта и наносит ущерб их попыткам выступить посредником между враждующими сторонами. На эту роль претендует Россия. Однако у неё нет рычагов влияния на ключевых внешних участников – Саудовскую Аравию и Объединённые Арабские Эмираты. Её двойственность в отношении исламистских движений не способствуют роли нейтрального посредника.

Ключевые слова: конфликт в Йемене, США, Россия, внешняя политика, урегулирование

Для цитирования: Евсеенко А.С. Подходы США и РФ к разрешению конфликта в Йемене: сравнительный анализ. *США & Канада: экономика политика, культура*. 2021; 51 (11) 54-65. DOI: 10.31857/S268667300017220-2

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение No 075-15-2020-783).

Russian and U.S. Approaches for the Yemen Conflict Resolving: Comparative Analysis

Andrey S. Yevseyenko

Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3409-5901> e-mail: a.evseyenko@iskran.ru

Abstract. Yemen war has become a unique example of U.S. involvement in the Middle East conflict. The United States gave up the initiative to its regional ally and didn't pretend to be a key actor on the battlefield. Nevertheless, such an approach hasn't led to the successful conclusion of the armed conflict. The United States has incurred material and reputational losses. Washington *inconsistent* approach made it difficult to resolve a conflict. The United States' claim to be a mediator between hostile parties remains questionable. Russia is pretending to play this role too. Yet, Moscow doesn't have a leverage in its relations with key external parties of Yemen War – Saudi Arabia and United Arab Emirates. Its *inconsistent* approach to Islamism movements doesn't promote Russia as a neutral mediator.

Keywords: Yemen war, Washington. Moscow, Foreign policy. Conflict resolution

For citation: Yevseyenko A.S. 2021. Russian and U.S. Approaches for Yemen Conflict Resolving: Comparative Analysis. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* No. 51(11): 54-64. DOI: 10.31857/S268667300017220-2

Acknowledgements: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ВВЕДЕНИЕ

Война в Йемене имеет много общего с другими конфликтами, имевшими место на территории Ближнего Востока и Северной Африки в последние годы. Политический кризис, вызванный противоречивым транзитом власти, вырос в вооружённое противостояние и превратил Йемен в «несостоявшееся», по американской терминологии, государство (*failed state*). Вмешательство внешних игроков только усугубило противостояние и фрагментированность страны. Эскалацией насилия воспользовались террористические группировки, нашедшие свою нишу в гражданской войне. Готовность остановить её не входила в приоритеты мировых держав, поскольку их жизненно важные интересы здесь не фигурировали. Тем не менее, США и РФ приложили усилия к разрешению йеменского конфликта. Сравнительный анализ их подходов к этому урегулированию позволит определить не только дипломатический потенциал двух государств, но и ключевые вызовы, стоящие перед Москвой и Вашингтоном в рамках их ближневосточных курсов.

ЙЕМЕНСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США: ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ И КОНТЕКСТНОСТЬ ПОДХОДОВ

В XXI веке Йемен стабильно занимал периферийное положение в ближневосточной политике США. Его официальные власти поддерживали Соединённые Штаты в войне с терроризмом, чем гарантировали себе получение американской финансовой помощи по линии безопасности. Однако её поток оставался относительно скромным. В 2000–2018 гг. Йемен получил от США около 840 млн долл. на укрепление собственных силовых структур и борьбу с террористами. К последним прежде всего относилась образованная в 2009 г. «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП). Но объём этой помощи нельзя назвать масштабными. К примеру, на поддержку антитеррористических сил в Сирии (прежде всего, Сирийских демократических сил, СДС) США выделили более 1,1 млрд долл. в 2017–2020 фин. гг. [1].

Однако даже ограниченные успехи США в борьбе с АКАП оказались девальвированы вакуумом силы в Йемене. Последний образовался на фоне «арабской весны», затронувшей Йемен в 2011 г., и полноценной гражданской войны, охватившей страну в 2014 г. В этой ситуации АКАП расширила свои позиции в южном Йемене, прежде всего в провинциях Аль-Байда, Абьян и Шабва. Её успехи связаны не только с некомпетентностью местных силовиков, но и с пропагандой суннитско-шиитского противостояния. Этому способствовали и йеменские официальные лица, регулярно обвинявшие повстанцев-хуситов из движения «Ансар-Аллах» в связях с Ираном [2].

Именно их действия стали прологом к американскому вмешательству в конфликт. Роспуск парламента и бегство йеменского президента Хади в начале 2015 г. сопровождался ударами боевиков «Ансар-Аллах» по территории Королевства Саудовской Аравии (КСА). В результате уже в марте 2015 г. США поддержали инициативу Эр-Рияда вторгнуться на территорию Йемена. Помимо традиционной борьбы с терроризмом, целями американского участия в образованной коалиции были объявлены недопущение полного захвата Йемена, восстановление там легитимной власти, защита границ Саудовской Аравии, прекращение хуситами боевых действий и их возвращение за стол переговоров [3].

Однако Вашингтон не смог снизить уровень противоречий между своими региональными союзниками. В результате опереться на существующую систему региональных союзов у США не получилось. Военное крыло Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), «Щит полуострова», не было полностью вовлечено в конфликт. Сыграли свою роль разные трактовки этого конфликта со стороны соседних с КСА государств [4]. В результате Оман не присоединился к интервенции с самого начала, Катар вышел из коалиции на фоне нового обострения противоречий с Эр-Риядом, а ОАЭ и Кувейт отстранились от участия в боевых действиях, когда посчитали свои задачи выполненными.

На снижении эффективности сказались слабость и некомпетентность саудовских вооружённых сил. Американские союзники, несмотря на технологическое превосходство и господство в воздухе, оказались не способны вести контрпартизанскую войну в условиях горной местности. Хуситы, со своей стороны, завоевали поддержку у местного населения и пользовались им для прикрытия. В результате эффективность авиаударов снижалась, приводя лишь к многочисленным человеческим жертвам среди гражданских лиц. При этом боевики «Ансар-Аллах» продолжали в качестве ответных мер наносить ракетные удары по территории КСА, проводить атаки при помощи беспилотников и совершать трансграничные рейды на саудовскую территорию.

Таким образом, США не преуспели ни в защите территории своего союзника, ни в сдерживании источника этих угроз. Вашингтон вслед за йеменскими и саудовскими властями начал рассматривать «Ансар-Аллах» как проводников иранской политики в регионе. При этом связи между хуситами и Ираном оставались достаточно умеренными. Их форсирование началось именно на фоне саудовской интервенции. Поддержав её, США поспособствовали распространению соперничества Эр-Рияда и Тегерана на территорию Йемена. Для Ирана хуситы остаются тактическим союзником в ослаблении Саудовской Аравии [Feierstein, 2017].

Кроме защиты интересов КСА, не была достигнута и задача восстановления легитимной центральной власти. Скорее наоборот, поддерживались все условия для продолжения военных действий и дальнейшей дезинтеграции Йемена. Президент Хади с 2015 г. находился в изгнании, страна расколота на три военно-политических анклава, внутри которых имеются свои противоречия [5]. Интервенция только усилила дезинтеграцию страны, усугубила кризис государственных институтов и рост трайбалистских настроений. В результате американская помощь йеменским силовым структурам пошла на спад: эффективность её расходования традиционно была под вопросом, но теперь предоставляемые средства по сути шли бы на под-

держку одной из фракций в гражданской войне. Более того, США не обустраивали эту помощь шагами по политическому урегулированию. В результате и руководство Йемена (как в лице бывшего президента Йемена А. Салеха, так и в лице А. Хадди), отвергало любые предложения по сокращению президентских полномочий [6]. Хуситам же предлагался проект конфедеративного устройства государства, который отсекал бы их от выхода к морю, и оставляет в окружении враждебных военно-политических анклавов [Mezzell, 2019].

При этом США обладали всеми необходимыми средствами, чтобы переломить ход конфликта. Тем не менее, ни одна из президентских администраций не попыталась воспользоваться этим инструментарием в полной мере. Прежде всего, речь идёт об ограничениях поставок новейших систем вооружений в КСА и ОАЭ – ключевые действующие игроки в йеменском конфликте. Белый дом руководствовался не только экономическими соображениями. Следует также учитывать, что КСА остаётся ключевым ближневосточным союзником США в решении проблем безопасности. Поэтому вашингтонский политический истеблишмент так и не смог договориться о прекращении этих поставок, несмотря на многочисленных сторонников такой меры в отношении КСА и ОАЭ в своих рядах. Подобный подход, «критика интервенции при продолжении поставок вооружений интервентам», стали исповедовать и другие западные партнёры Эр-Рияда, к примеру Великобритания [Охошин, 2020].

Эта двойственность подходов была характерна для всех трёх президентских администраций в Вашингтоне (с 2015 г.) – Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Они продолжали сотрудничество с просаудовской коалицией при одновременном отрицании причастности к её деятельности. Первоначально поддержка США сводилась к военным консультациям, обмену разведывательными данными и дозаправке самолётов, наносивших авиаудары. Ситуация начала меняться под давлением американского истеблишмента, особенно на фоне убийства журналиста Дж. Хашогги саудовскими спецслужбами в октябре 2018 г. В результате администрация Д. Трампа была вынуждена ввести запрет на дозаправку самолётов коалиции, а обмен данными ограничился информацией об угрозах саудовским официальным лицам [7]. При этом стоит учитывать, что из девяти ветоированных Д. Трампом законопроектов, четыре были направлены против интересов КСА [8].

Не отличается новизной и подход администрации Дж. Байдена. Он содержит ту же размытость формулировок, противоречивый набор мер по снижению эскалации и отсутствие конечной цели. Анонсировано прекращение поддержки «наступательных» операций в Йемене, однако не объяснена грань между оборонительными и наступательными действиями. К примеру, не ясна трактовка ударов коалиции по Таизу, Ходейде и Сане в марте 2021 г. в ответ на осаду хуситами Маариба. В очередной раз приостановлена сделка по поставкам высокоточных боеприпасов (первой это сделала администрация Б. Обамы) в Саудовскую Аравию. При этом американцы продолжают осуществлять техническое обслуживание саудовских самолётов F-15 и F-16, главной ударной силы коалиции. Также остаётся открытым вопрос о методах США по привлечению хуситов к прекращению огня и столу переговоров, помимо призывов перейти к диалогу. Админи-

страция Дж. Байдена не вносит ясности и в вопрос будущей политической структуры Йемена – главный камень преткновения в этом конфликте. Для многих йеменских фракций проект конституции 2015 г. потерял свою актуальность [9].

В итоге «успехи» американской политики в Йемене относительно поставленных накануне саудовской интервенции целей, можно свести – и то очень условно, так как роль США в их достижении была только косвенной, – к двум направлениям. Во-первых, хуситам не удалось полностью захватить Йемен, хотя в стране нет силы, способной взять государство под свой контроль. Во-вторых, джихадисты в лице АКАП и местных представителей «Исламского государства» (ИГ) не получили здесь широкого территориального контроля и доступ к ресурсам. Безусловно, в этом есть доля американо-эмиратской кооперации в борьбе с террористами, в частности ликвидация высокопоставленных членов АКАП. Однако существуют и более фундаментальные причины нераспространения джихада в Йемене. Его население весьма консервативно в своих религиозных воззрениях и к идеям глобального джихада относится равнодушно. Именно поэтому АКАП сосредоточена на внутрийеменской повестке дня. В противном случае она рискует потерять поддержку местного населения, прежде всего на юге страны, видящего в ней защитников от хуситов. ИГ в лице «Вилайет Йемен» так и не завоевала здесь популярность. Причины лежат в кризисе лидерства, неизбирательности и жёсткости терактов, а также перманентном противостоянии с АКАП [Kendall, 2019].

Таким образом, Соединённые Штаты не избежали репутационных и материальных потерь в попытке переложить ответственность за безопасность своего регионального союзника на плечи последнего, ограничившись военно-технической, разведывательной и дипломатической поддержкой. Более того, они поспособствовали усугублению и затягиванию конфликта из-за отсутствия приоритетной цели и ясных критериев её достижения.

Но, несмотря на эти стратегические просчёты, у Вашингтона сохраняется потенциал изменить ситуацию в Йемене. Прежде всего, есть рычаги воздействия на ключевых участников данного конфликта. Это касается как региональных держав – КСА и ОАЭ, так и локальных негосударственных игроков. Однако интерес США к его разрешению дестимулирован: Йемен не является прямым источником угроз для США. Борьба с терроризмом уступила место в приоритетах американской внешней политики противостоянию с мировыми державами, бросающими вызов американскому лидерству [10]. Курс администрации Дж. Байдена на прекращение участия в «бесконечных войнах» и минимизацию американского присутствия на Ближнем Востоке даёт больше предпосылок к отстранению США от этого конфликта, чем к продуктивному участию в его разрешении. Сложность конфликта, фрагментированность йеменского общества и уровень дезинтеграции государства существенно затрудняют приход и закрепление здесь позиций конкурирующей с США державы.

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К РАЗРЕШЕНИЮ ЙЕМЕНСКОГО КОНФЛИКТА: ЕГО ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

К началу гражданской войны Йемен был на периферии ближневосточной политики РФ. Отношения между Москвой и Саной были весьма скромными. Их ос-

новное содержание составляли военно-технические связи, проекты по геологоразведке и добыче углеводородов. Также предполагались более тесное сотрудничество двух государств в борьбе с пиратством [11]. Однако Йемен не занимал значительных позиций в российском экспорте вооружений ни в региональном, ни в мировом масштабе [12]. Нефтегазовые проекты требовали дополнительной разведки и инвестиций при отсутствии ярко выраженного интереса со стороны йеменских властей к участию российских компаний [13].

Начало конфликта кардинально изменило ситуацию. Поставки вооружений были свёрнуты после введения эмбарго со стороны ООН, а в нефтегазовых проектах закрепили за собой лидерство саудовские и эмиратские конкуренты российских компаний [14]. Ключевым интересом РФ было объявлено прекращение боевых действий и переход противников к переговорам [15].

Также Москва обозначила претензии на статус посредника в диалоге между конфликтующими сторонами. Предпосылки для подобного развития событий были. РФ воздержалась от критики Эр-Рияда, несмотря на несанкционированность интервенции со стороны ООН. При этом вторжение просаудовской коалиции в Йемен Москва не поддержала, несмотря на все попытки Эр-Рияда изменить её позицию [16]. Одновременно Россия демонстрировала равноудалённость и поддерживала дипломатический контакт со всеми ключевыми фракциями, участвующими в гражданской войне. Поэтому она могла претендовать на статус нейтрального посредника при разрешении конфликта.

Однако в политике РФ по его урегулированию прослеживается та же контекстность, что и в американском подходе. На неё оказывали существенное влияние отношения РФ с КСА и ОАЭ. Во многом именно они создавали тот спектр возможностей, где Россия могла бы влиять на конфликт. Но её дипломатический потенциал оставался ограниченным. Россия не была столь глубоко вовлечена во внутрийеменские дела, как КСА или ОАЭ. У неё не было рычагов для воздействия на враждующие стороны, какими располагали региональные державы [Issaev, Korotayev, 2020]. Тем не менее, со стороны последних был спрос на российский дипломатический потенциал [17]. Это объясняется не только постоянным членством России в Совете Безопасности ООН, но и неготовностью многих участников йеменского конфликта идти на прямые переговоры друг с другом. Причём в обоих случаях в поддержку РФ работало наследие советской эпохи. За счёт права голоса в СБ ООН Россия заблокировала резолюции, возлагавшие вину в конфликте на «Ансар-Аллах» (они содержали обвинения в адрес Ирана) и отменявшие эмбарго на поставки вооружений в Йемен. При этом её отказ поддержать саудовскую инициативу штурма г. Ходейда уравнивался осуждением хуситов за ракетные удары по территории КСА [18]. Таким образом, удавалось балансировать между интересами региональных держав и поддерживать нейтралитет.

В российском посредничестве между йеменскими фракциями также проявились контакты, выстроенные ещё в годы советского присутствия в регионе. Благодаря связям с местными политиками левого толка, Россия сыграла заметную роль в урегулировании противоречий между враждующими фракциями в южном Йемене [19].

Эти успехи, однако, не позволяют России претендовать на главную роль в разрешении конфликта в Йемене. Отказ РФ от блокового подхода и ориентир на инклюзивность переговорного процесса соответствуют региональной специфике. Ближневосточные альянсы крайне неустойчивы, нацелены на решение сиюминутных проблем, а не на долгосрочное решение конфликтов [Сучков, Ходынская-Голенищева, 2021]. Тем не менее, включение всех конфликтующих сторон в переговорный процесс сильно сужает возможный спектр договорённостей между ними. На примере Йемена таким вопросом стали поставки гуманитарной помощи. Здесь роль России существенна [20]. Однако подобный подход не позволяет рассчитывать на полноценное урегулирование конфликта. Его достижения будут иметь ограниченное миротворческое значение.

Избранная Россией роль посредника также может оказаться невостребованной. Спрос на нейтрального посредника существует в условиях, когда стороны не готовы перейти к прямому диалогу. Как только ситуация меняется, необходимость в посреднике исчезает, и влияние на конфликт снижается [21].

Ещё одним уязвимым местом России в её йеменской политике является её традиционно непоследовательное отношение к исламистским группировкам. РФ нацелена на диалог с официальными властями в лице президента Хади, однако его военную силу олицетворяют бойцы движения «Аль-Ислах». Последнее является йеменским крылом «Братьев-мусульман», признанных в России террористической организацией. Данный момент создаёт риски для восприятия РФ как надёжного, договороспособного партнёра.

Но самым проблемным моментом является отсутствие у России экономических и силовых средств воздействия на основных участников конфликта. В результате те договорённости, в выработке которых Россия принимала непосредственное участие, испытывают серьёзные проблемы с имплементацией. Примером является соглашение по деблокированию порта Ходейда, имеющего критически важное значение для поставок гуманитарной помощи в Йемен [Fakirah, 2020].

Таким образом, российский дипломатический ресурс не проявил себя в полную силу на йеменском направлении. Здесь были бы необходимы более тесные связи с участниками конфликта на основе долгосрочных гарантий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликт в Йемене продемонстрировал все характерные недостатки американских подходов к разрешению ближневосточных конфликтов: отсутствие стратегического мышления, несформулированность приоритетной цели и критериев её достижения, рассмотрение союзника как средства для снижения издержек, его безусловная и прямолинейная поддержка. В результате США не только не реализовали имевшийся миротворческий потенциал, но и способствовали затягиванию и углублению конфликта.

Выстроенные ими региональные союзы, прежде всего с ССАГПЗ, находятся в кризисе. Они по-прежнему ориентированы на сдерживание глобальных или региональных соперников США и их союзников при достаточно слабом уровне интеграции участников союза.

При этом, данные структуры не соответствуют реалиям многополярного мира, где влияние в регионе может определяться не только военной силой, а угроза может исходить от негосударственного участника. Они по-прежнему ориентированы под нужды военных, а не военно-гражданских конфликтов. Тем не менее, они всё ещё способны оказывать существенное влияние на решение проблем региональной безопасности.

Перспективы их реформирования остаются под вопросом, поскольку Соединённые Штаты нацелены на сокращение своего военного присутствия в регионе. Это не означает, что США не смогут проецировать силу или выполнять союзнические обязательства. Выстроенные Вашингтоном механизмы военной кооперации позволяют оперативно отреагировать на возникающие кризисы.

При этом сами союзники не останутся беззащитны, и не будут вынуждены искать помощи у американских соперников. Скорее, они будут искать возможности урегулировать имеющиеся противоречия со своими региональными противниками. Такой процесс уже идёт и приводит к первым результатам. Примерами являются как катарский кризис, так и сближение монархий Персидского залива с Израилем. Также продолжают попытки урегулировать противоречия в турецко-эмиратских, турецко-египетских, саудовско-иранских отношениях. Отстранение США от этих внутрорегиональных противоречий будет способствовать поискам компромиссов между конфликтующими сторонами.

США, со своей стороны, способны стимулировать эти процессы, как это было продемонстрировано при заключении «Соглашения Авраама». В самом американском истеблишменте есть понимание необходимости отойти от прямолинейной, безусловной поддержки союзников. Особенно в условиях, когда из региона не исходит прямой угрозы Соединённым Штатам. Примером служит внесённый в Сенат 15 апреля 2021 г демократом Робертом Менендесом законопроект «О безопасном экспорте F-35» (*S.1182 - Secure F-35 Exports Act of 2021*), запрещающий странам – покупателям этих истребителей (за исключением Израиля) передавать любые вооружения повстанцам, действующим против региональных интересов США. Таким образом, у Вашингтона есть возможность отрегулировать рычаги для воздействия на ключевых ближневосточных партнёров.

Этого нельзя сказать о России. Конфликт в Йемене продемонстрировал весьма ограниченное влияние России на его участников. Оно вызвано не только слабостью российской экономики и отсутствием возможностей проецировать силу в регионе. РФ постаралась дистанцироваться от конфликта и не связывать себя долговременными обязательствами с его ключевыми сторонами. В результате она не реализовала свой дипломатический потенциал в полной мере.

В целом возможности России влиять на ближневосточные конфликты весьма ограничены. Дело не только в интересах региональных держав, которые необходимо учитывать. Россия использует наследие советской политики на Ближнем Востоке, у неё очень небольшой потенциал для наращивания связей и укрепления позиций в регионе. Ближний Восток остаётся территорией политической и военной турбулентности. Работая в таких странах как Йемен, российские компании вынуждены брать на себя дополнительные риски, связанные с безопасностью.

К таким издержкам готовы не все. С другой стороны, местные власти не расположены сотрудничать на монопольных условиях, к которым тяготеет российский бизнес. Последний не всегда выдерживает конкуренцию с китайскими, индийскими, саудовскими и турецкими бизнес-структурами. Также существует риск попадания под американские санкции, особенно когда речь идёт о поставках российских вооружений. В результате проекты в геологоразведке не обязательно вырастают в соглашения о добыче полезных ископаемых, а меморандумы о военнотехническом сотрудничестве – в прозрачные контракты на поставку вооружений.

Как представляется, сокращение американского военного присутствия в регионе и дальнейшие попытки региональных держав урегулировать имеющиеся между ними противоречия будут способствовать скорее снижению, а не росту российского влияния. Роль Москвы как нейтрального посредника не будет востребована в условиях прямого диалога между региональными противниками. В результате усилия РФ по расширению и укреплению связей в регионе порой превращаются не в основательные и взаимовыгодные отношения с ближневосточными державами, а в инструмент для давления на США [22].

Тем не менее, Россия и Соединённые Штаты могут сотрудничать в урегулировании йеменского кризиса. Обе страны нацелены на сохранение территориальной целостности государства, противостоят джихадистам и политическому, а не военному разрешению конфликта. Важным элементом здесь является формула политического урегулирования. Её конечной целью могла бы быть децентрализация власти и трансформация Йемена в парламентскую республику. Сложность, как и в 2014 г., может возникнуть в транзите власти от действующего президента Хади к переходной структуре. Несмотря на сомнительную легитимность и опору на боевиков движения «Аль-Ислах», он пользуется поддержкой официального Эр-Рияда и признаётся ООН как глава государства. Поэтому совместные усилия сверхдержав здесь крайне необходимы. У Москвы есть налаженные контакты с внутрийеменскими фракциями, у Вашингтона – влияние на ключевых внешних участников конфликта. Однако периферийность Йемена как для российских, так и для американских интересов делают возможными диаметрально противоположные сценарии. Две сверхдержавы могут организовать сотрудничество с такой же долей вероятности, как и дистанцироваться от конфликта.

ИСТОЧНИКИ

1. Humud C., Blanchard C. Armed Conflict in Syria: Overview and U.S. Response // CRS. 27.07.2020. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33487.pdf> (accessed: 13.07.2021).
2. Yemen's al-Qaeda: Expanding the Base // International Crisis Group, Report No. 174, 02.02.2017. Available at: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/174-yemen-s-al-qaeda-expanding-base> (accessed: 13.07.2021).
3. Statement by NSC Spokesperson Bernadette Meehan on the Situation in Yemen // The White House Office of the Press Secretary, 25.03.2015. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/03/25/statement-nsc-spokesperson-bernadette-meehan-situation-yemen> (accessed: 14.08.2021).

4. Aljabri M. Gulf Security: Peninsula Shield Force and Iran // Third International Security Conference, March 2017. Available at: https://www.researchgate.net/publication/316666885_Gulf_Security_Peninsula_Shield_Force_and_Iran (accessed: 18.08.2021).
5. Have Yemenis given up on Hadi during six-year exile? // *Al-Monitor*. 02.06.2021. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/06/have-yemenis-given-hadi-during-six-year-exile#ixzz76SwBGMOp> (accessed: 23.08.2021).
6. Семенов К. Йемен: корни забытой войны // TRT на русском: новостной портал. 30.12.2020. Available at: <https://www.trtussian.com/mnenie/jemen-korni-zabytoj-vojny-3996716> (accessed: 16.08.2021).
7. Raghavan S., Ryan M. The U.S. is changing tack on the Saudi-led war in Yemen. That's the easy part // *The Washington Post*, 05.02.2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/biden-yemen-diplomacy-challenges/2021/02/05/d7b4f97c-6712-11eb-bab8-707f8769d785_story.html (accessed: 28.08.2021).
8. Donald Trump: Vetoed legislation // *Ballotpedia*. 26.01.2021. Available at: https://ballotpedia.org/Donald_Trump:_Vetoed_legislation (accessed: 18.08.2021).
9. Day S. The Future Structure of the Yemeni State // The Middle East Institute. 14.08.2019. Available at: <https://www.mei.edu/publications/future-structure-yemeni-state> (accessed: 12.08.2021).
10. Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance // The White House, March 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 16.08.2021).
11. Yemen to buy Russian weapons // *The New York Times*, 07.12.2009. Available at: <https://www.nytimes.com/2009/02/27/world/africa/27iht-27yemen.20489549.html> (accessed: 15.08.2021).
12. Russian defense industry and arms trade: facts and figures // Centre for Analysis of Strategies and Technologies, 14.02.2012. Available at: http://www.cast.ru/files/book/all-stats_eng_14_02_2012.pdf (accessed: 15.08.2021).
13. Российские нефтегазовые компании заинтересовались Йеменом // *Neftegaz.ru*, 03.07.2013. Available at: <https://neftegaz.ru/news/companies/258107-rossiyskie-neftegazovye-kompanii-zainteresovalis-yemenom/> (accessed: 12.08.2021).
14. Цуканов Л.С., Н.А. Мохаммед. Россия и Йемен: зеркало стратегических интересов // Российский совет по международным делам. Блог Леонида Цуканова. 15.07.2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/rossiya-i-yemen-zerkalo-strategicheskikh-interesov/> (accessed: 15.09.2021).
15. Лавров призвал йеменских повстанцев и коалицию прекратить боевые действия // *Ведомости*, 31.03.2015. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/03/31/lavrov-prizval-iemenskih-povstantsev-i-koalitsiyu-prekratit-boevie-deistviya> (accessed: 04.08.2021).
16. Riedel B. Saudi's star prince keeps rising, visits Putin in St. Petersburg // Brookings Institute, 19.06.2015. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2015/06/19/saudi-star-prince-keeps-rising-visits-putin-in-st-petersburg/> (accessed: 03.09.2021).
17. Semenov K. Saudis could seek Russian bailout in Yemen // *Al-Monitor*, 09.10.2017. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/10/saudi-arabia-bail-out-yemen-conflict-mediation.html> (accessed: 04.09.2021).
18. Россия и Йемен: нетерпеливое вмешательство для иных целей // *Иносми.ру*, 03.03.2018. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20180303/241621198.html> (accessed: 12.08.2021).
19. Рамани С. Больше посредничества. Зачем Россия наращивает активность в Йемене // Московский центр Карнеги, 24.10.2018. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/77565> (accessed: 19.08.2021).

20. UN Special Envoy Griffiths Notes Progress in Yemeni Peace Process // Sputnik International. 12.01.2019. Available at: <https://sputniknews.com/20190112/yemen-un-special-envoy-interview-1071419618.html> (accessed: 04.09.2021).

21. Semenov K. Russia looks for way back into Yemen // *Al-Monitor*. 11.06.2021. Available at: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/06/russia-looks-way-back-yemen> (accessed: 14.08.2021).

22. A Saudi prince on the postponement of the visit of the US Secretary of Defense and the reception of a Russian official: Saudi Arabia does not accept dictates // Middle East in 24. 11.09.2021. Available at: <https://middleeast.in-24.com/News/217392.html> (accessed: 14.08.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Охошин О.В. 2020. Трансформация британской политики на Ближнем Востоке // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. №6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-britanskoy-politiki-na-blizhnem-vostoke> (accessed: 14.09.2021).
2. Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. 2021. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // *Сравнительная политика*. №1. – С. 69-81.

REFERENCES

1. Issaev L., Korotayev A. 2020. Russia's Policy towards the Middle East: The Case of Yemen // *The International Spectator*, Vol.55, No. 3, P. 132-147.
2. Fakirah, I. 2020. The Hodeida Agreement that Never Was: Design, Implementation, and Implications on Conflict and Peace in Yemen // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, No. 114, P. 271-276.
3. Feierstein G. 2017. Is There a Path Out of the Yemen Conflict?: Why It Matters // *PRISM*, Vol. 7, No. 1. P. 16-31.
4. Kendall E. 2019. The Failing Islamic State within The Failed State of Yemen. Perspectives on Terrorism // *Terrorism Research Initiative*. P. 77-86.
5. Mezzell, A. 2019. Deterring Terrorists Abroad: The Implausibility of Indirect Deterrence // *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 13, No. 1. P. 134-152.
6. Okhoshin O.V. 2020. Transformation of British Foreign policy in Middle East] (In Russ.) *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, №6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-britanskoy-politiki-na-blizhnem-vostoke> (accessed: 14.09.2021).
7. Suchkov M.A., Khodynskaya-Golenischeva M.S. 2021. Comparative Analysis of Russia's Alliance-Formation Strategies in the Middle East (In Russ.). *Comparative Politics Russia* [No.1 (12). P. 69-81.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВСЕЕНКО Андрей Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады Российской академии наук. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулоч, 2/3,

Andrey S. YEVSEENKO, Candidate of Sciences (Politicalology), Senior Research Fellow, Department of Foreign Policy Researches, Academic Secretary, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3, Khlebyny pereulok, Moscow, 121069 Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 19.09.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 27.09.2021.

Принята к публикации / Accepted 28.09.2021.